

Игорь Герман

Вопросы, по которым не следует беспокоить

Первые числа декабря отметились крутыми морозами. В самом деле, морозы взялись сразу и серьёзно.

До двенадцатого ноября погода стояла не по сезону тёплая, с частыми дождями, переходящими в мокрый и тут же таявший снег. Ноябрьский ветерок морщил пока ещё незамёрзшую поверхность дождевых луж. С середины месяца температура днём наконец-то опустилась до минусовых значений. Окаменевшая от мороза осенняя грязь до снега сохраняла вдавленные в неё отпечатки протекторов от колёс автомобилей и человеческих следов. А снег всё не падал и не падал. Пару раз, правда, делал робкие попытки, да неудачно. То ветер разгонит тучи, не успевшие просыпаться белым, то снежинок выпадет считанное количество, как будто небеса решили подшутить над изнывающей без снега землёю, вместо роскошной белой шубы сбросив сверху тонкую тюль, не способную даже прикрыть остывшую наготу земли.

В ночь на второе декабря ударил двадцатиградусный мороз. Следующим вечером к девятнадцати часам температура на улице опустилась до минус тридцати одного. Вымороженная земля, где она не была прикрыта асфальтом, потрескалась от сильного холода. Бывшие лужи, которые поменьше — вымерзли, побольше — превратились в катки, и прохожие старательно обходили их стороной. Многочисленные автомобили, ночующие во дворах многоэтажек, замерзли в ожидании своих хозяев: их крыши и капоты покрывались толстым слоем колючей изморози. Некоторые из машин, помигивающие время от времени синими глазками включённой сигнализации, автоматически заводились и прогревали себя сами. Хозяевам же более дешёвых автомобилей приходилось выходить на улицу и совершать процесс отогрева самостоятельно — на холодном сиденье замерзающего железного друга.

Молодой супруг и отец, двадцатисемилетний Владимир Гаврилов в двадцать ноль-ноль спустился к своей машине, пискнул кнопкой пульта, снимая блокировку, бережно усадил себя на обжигающе холодное сиденье, завёл мотор, чуть

добавил газу и выругал нехстати нагрывшийся холод. Холод всегда нехстати, даже если он и опаздывает на полмесяца.

Подождав, пока мотор достаточно разогреется, Владимир несколько раз до предела выжал педаль газа. Включил и выключил фары. Ещё немного посидел, подождал. Наконец масло нагрелось до девяноста градусов. Прежде чем отключить мотор, достал телефон и поставил будильник на час ночи. Ещё нужно будет встать в четыре и в семь. К восьми — дочь везти в детский сад. Бедные дети: в такой мороз их тащить на улицу, пусть даже в нагретую машину, — это попытка!

Владимир заглушил мотор, вынул ключи зажигания, вышел из машины, нажал кнопку сигнализации и торопливо направился к тёплому подъезду. Бросив случайный взгляд налево, на дворовую дорогу, он вдруг увидел, что на ней, ближе к выложенному брусчаткой тротуару, лежит какой-то человек. В свете подъездных фонарей он был хорошо виден.

Владимир от неожиданности остановился. Лежавший человек неуклюже попытался встать, но, видимо, поскользнулся, ноги его разъехались, и он опять упал.

Освещая фарами дорогу, из-за угла дома вывернула белая «тойота». Водитель аккуратно объехал лежавшего на дороге человека, проследовал мимо посторонившегося Владимира и припарковался у соседнего подъезда.

Стоявший в нерешительности Владимир окликнул вышедшего из машины водителя. Им оказался совсем молодой парень, лет двадцати. Хлопнув дверцей, парень нехотя подошёл.

— Что за авария?

Владимир пожал плечами:

— Не знаю. Сам только что заметил его. Надо посмотреть.

Они подошли к неподвижно лежавшему человеку. Он уже и не пытался встать — видимо, смирился со своим положением.

— Так он бухой, — сразу определил парень.

— Похоже, — согласился Владимир. — Что будем делать?

— Ничего. Он бухой. Его проблемы.

Парень развернулся и, более ни слова не говоря, торопливо направился к своему подъезду.

Молодой мужчина остался с ситуацией один на один.

Человек, лежавший перед ним на льду большой замёрзшей лужи, явно имел непрезентабельный социальный статус: одет в старый свитер, грязное пальто расстёгнуто. Замызганная вязаная шапочка, предназначенная не для таких морозов, от падения своего обладателя сорвалась с головы и теперь валялась в стороне. Пьяный, скорчившись, лежал на боку, положив голову с разметавшимися нестриженными и невымытыми волосами прямо на лёд. Владимир наклонился над ним, пытаясь разглядеть лицо этого человека.

— Эй, дядя... — осторожно окликнул он пьяного.

Тот не ответил.

— Всё в порядке?.. Вставай, дядя, а то замёрзнешь.

Бомж молчал — то ли спал, то ли просто был не в состоянии что-либо произнести. Самого Владимира уже начал хорошо пробирать тридцатиградусный мороз. Холод стал коварно забираться под короткую меховую куртку и пощипывать не прикрытые норковой шапкой-формовкой уши. Нужно было срочно что-то предпринимать или уходить — не стоять же столбом перед этим беспомощным пьяным человеком. Уйти Владимир не сумел — не пустила совесть. Тогда он решил действовать.

Поднял валявшуюся грязную шапочку, глубоко натянул её на голову пьяного, затем, преодолевая брезгливость, приподнял его за подмышки и потащил к незакрытому подвальному окну, откуда парил на улицу тёплый воздух.

Бомж пытался что-то сказать, издавая нечленораздельные звуки, потом, так и не сумев этого сделать, начал очень внятно ругать Владимира, тащившего его к тёплому спасительному окну. От этого человека несло как из выгребной ямы — грязью, алкоголем, мочой. Лица невозможно было рассмотреть — заросшее щетиной, опухшее, чёрное. Глаза превратились в щёлочки из-за чудовищных синих мешков под ними — то ли побитый, то ли опитый до такой степени. Отвернув лицо от бьющей в нос вони, Владимир наконец дотащил бедолагу до подвального окна. Уложил головой к выходящему тёплому воздушному потоку, достал из кармана джинсов телефон. Просто по ноль три не ответил, нужно набрать код города. Код Владимира точно не помнил. Набрал сто двенадцать. Прослушал автоматическое сообщение и нажал цифру три. Станция скорой помощи ответила сразу.

— Тут человеку плохо, он замерзает на улице, — начал объяснять Владимир. — Лежит на земле в лёгкой одежде, без перчаток. Во дворе дома... — он назвал адрес и добавил: — Приезжайте скорее, я уже сам замёрз.

— Кто звонит? — поинтересовался принимающий заказ женский голос. — Сообщите вашу фамилию, имя, отчество, место жительства.

Удерживая коченеющими руками телефон, Владимир торопливо сообщил требуемую информацию.

— Пожалуйста, скорее, — попросил он. — Очень холодно.

— Ожидайте, сейчас будет машина.

И диспетчер положила трубку.

Высочивший без перчаток, просто прогреть автомобиль, Владимир вместе с телефоном спрятал в карманы коченеющие руки. Подумал: уйти или нет?.. Решил дожидаться приезда скорой.

Скорая приехала через десять минут. Владимир помалывал подъезжающей машине рукой. Из оставившейся жёлтой реанимации вышли мужчина и женщина.

— Кому здесь плохо? — спросила Владимира женщина.

— Вот... — он указал на бомжа, лежавшего без движения у подвального окна.

Оба врача в сине-серых куртках-спецовках подошли к бомжу. Мужчина чуть наклонился над не двигавшимся, мертвецки пьяным человеком. Переглянулся с женщиной.

— Ему не плохо. Он просто пьяный.

— Да, он пьяный, но... — начал объяснять Владимир, но мужчина перебил его:

— Зачем вы нас вызвали?

— Как — зачем? — удивился Владимир. — Он же замерзает.

— Пить меньше надо, — ответил врач. — Мы никуда его не повезём. У него возможна инфекция, заразные заболевания, включая кожные. В чистой палате ему делать нечего. Только больных заражать. Вы бы согласились с таким лежать в одной палате?

— И что мне с ним делать?

— Что хотите, то и делайте. Он пьян.

— Понимаю. Но он же человек.

— Вопрос не нашей компетенции. Вызывайте полицию, пусть она им занимается.

— Слушайте... — растерялся Владимир, — он же замёрзнет. Да и я тоже: вас ждал, сейчас ещё и полицию ждать?..

— Молодой человек... — вступила в диалог женщина. — Вы отвлекаете нас от выполнения наших прямых обязанностей. Нас ждут по-настоящему больные люди, нуждающиеся в экстренной помощи. Может, кто-то в эту минуту умирает от сердечного приступа. А если бы ваши родители находились на грани жизни?.. а мы бы в это время поднимали и приводили в чувство каждого алкаша?.. Вот подумайте над этим. Если будете настаивать, мы оформим на вас ложный вызов, а это очень приличная сумма. Вам придётся оплатить горючее, время, плюс сам штраф за ложный вызов.

Мы не можем уследить за каждым алкоголиком города. Дай бы Бог помочь нормальным людям. По таким вопросам, молодой человек, большая просьба нас впредь не беспокоить.

Владимир беспомощно развёл руками.

Реанимобиль уехал.

Владимир зло выругался, набрал едва двигающимися холодными пальцами по сто двенадцать полицию. Ответил дежурный. Владимир деревянные губами попытался объяснить ситуацию, но спокойный, уверенный голос дежурного перебил его:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Гаврилов Владимир Ильич. Проживаю... — как и в случае со скорой, он повторил адрес. — Посоветуйте, что сделать?

— А что случилось?

— У нашего дома, прямо на земле, лежит человек. Выпивший, конечно. Мороз за тридцать. Скорая отказалась его принимать. Уехали. Что делать? Оставлять его на улице умирать?..

— Он пьян?

— Да.

Уверенный голос дежурного в трубке подержал паузу.

— Знаете что... Решайте сами, что с ним делать. Нас по таким вопросам беспокоить не следует. Нас беспокоят по серьёзным вопросам.

— А это вопрос не серьёзный? Я уйду сейчас, а он замёрзнет, умрёт. Это не серьёзно, по-вашему?

— Занесите его в подъезд, — ответил дежурный. — Больше посоветовать ничего не могу.

И отключился.

Владимир, громко ругаясь, потащил бомжа к своему подъезду. Скверно пахнущий человек проснулся от действий, совершаемых с его бесчувственным телом, и, вероятно, желая, чтобы его оставили в покое, пьяно и агрессивно ругал своего спасителя. Владимир наконец заволок тяжёлое безвольное тело в подъезд, протасил по ступенькам к почтовым ящикам и оставил лежать там. От бомжа так разило дурнопьяном, что молодой человек начал сомневаться в правильности своего решения. Жильцам подъезда такой сосед явно не понравится, люди будут недовольны, но, с другой стороны... как вообще поступить в такой ситуации?.. Оставить его на улице?.. А жить потом как?.. как жить с сознанием того, что оставил человека умирать на тридцатиградусном морозе?.. заведомо умирать, и ты это знал?.. А?.. С совестью ведь не договоришься.

— Ладно!.. — Владимир махнул рукой и начал подниматься по лестнице в свою квартиру на четвёртом этаже.

— Чего так долго? — спросила жена, едва он вошёл в двери.

Он рассказал ей всю историю прямо у порога, не разуваясь и не раздеваясь.

— Погоди, — сказала супруга. — Отнеси ему чего-нибудь.

— Ещё не хватало! — замахал руками Владимир. — И так провозился с ним столько!.. Кроме матюгов, ничего не услышал. Пошёл он!..

— Нет, — твёрдо сказала жена. — Надо помочь. Раз взялся — давай уже до конца. Постой здесь пару минут...

— Что ты хочешь сделать? — спросил он вслед уходящей жене.

— У нас коробка «Доширака» есть, — ответила она на ходу. — Заварю, отнесёшь ему.

Владимир нехотя согласился:

— Ладно. Давай скорее.

Минуты через три молодая жена вынесла горячую пластиковую коробку с заваренной лапшой и воткнутой в неё белой пластиковой вилкой. Владимир осторожно взял за края открытую горячую коробочку и спустился на площадку к почтовым ящикам.

Бомж уже не лежал, а сидел на бетонном полу. От слабости и количества выпитого алкоголя его болтало из стороны в сторону. Заслышав приближающиеся по лестнице шаги, он поднял дурной взгляд на спускающегося к нему Владимира.

Молодой человек присел перед ним и подал пластиковый контейнер с горячей лапшой. Пьяный принял еду как должное, даже не поблагодарив. Поставил коробочку себе на колени и, обжигаясь, начал есть, дрожавшей рукой направляя непослушную пластиковую вилочку точно в рот.

Владимир несколько секунд постоял перед этим человеком, не обращавшим на него никакого внимания, и опять поднялся к себе.

Когда в час ночи он спускался прогреть машину, бомж, свернувшись грязным калачиком, спал там же, у почтовых ящиков. В четыре утра — ещё спал, а вот в семь часов его уже не было. Видимо, выспавшись и протрезвев, он ушёл.

— Слава Богу, — тихо сказал сам себе Владимир. — Слава Богу.

На душе было спокойно.

Жарким июльским вечером трое двенадцатилетних мальчишек, друзей-одноклассников, играли в свои мальчишеские игры на пустыре за пятиэтажным домом. Другую сторону пустыря подпирала стройка, где на ороженном забором участке возводили новую кирпичную «свечку». Пустырь зарос травой, и в первую очередь — полынью, источающей терпкий горький запах.

Мальчишки бегали, громко кричали, прятались друг от друга за зарослями бледных пряных стеблей, искали друг друга, находили и опять кричали. Мальчишки всегда общаются в своей компании подобным образом: стоя в двух шагах, они орут

так, будто находятся на расстоянии километра. Их пронзительные звонкие голоса, что-то друг другу доказывающие, влетали в открытые окна всей округи.

Но вдруг голоса смолкли. Как-то сразу и именно вдруг. И сами мальчишки как будто исчезли с пустыря, потерявшись в высокой полынь-траве. Бегали и потерялись. Всё. И нет их нигде. Не видно и, самое удивительное, не слышно.

Но, конечно же, мальчишки никуда не девались и никуда не убегали. Просто три товарища, три одноклассника — Никита, Дима и Женя — присели возле открытого канализационного люка, спрятавшегося среди высокой травы на пустыре. Крышки у люка не было — видимо, её утащили, и канализационный колодец, скрытый травой, угрожал безопасности беспечного или зазевавшегося прохожего. Удивительно ещё, как сами мальчишки не угодили в эту открытую яму.

Никита, Дима и Женя расположились вокруг идеально круглой дыры в земле и смотрели вниз. Там, на дне канализационного колодца, на глубине двух с половиной метров сидела живая собака. Как она попала туда — задача без неизвестных: носилась, дурёха, по пустырю, не заметила и загремела вниз. Среднего размера рыжая беспородная собака внимательными ожидающими глазами смотрела снизу вверх на заглядывающих в колодец мальчишек. Она заскулила и облизнулась.

— Жрать хочет, — догадался щупленький Женя, коротко стриженный мальчишка с оттопыренными ушами.

— Тебя бы сюда, ты бы тоже захотел, — ответил Дима, рослый белобрысый плотный паренёк, выглядевший старше своих товарищей.

— Да это козе понятно, — согласился Женя, почесав грязными пальцами худую щёку.

— Бедняга, — посочувствовал собаке Никита, самый маленький ростиком из этой троицы. — Как она упала туда?

— Ты чё-о?!.. — Дима с возмущением посмотрел на товарища. — Не знаешь, как в открытый люк проваливаются, что ли?..

— Ну, она же собака.

— И чё?!

— У них же нюх.

— Значит, эта лохушка не унюхала!

— Пацаны, чё будем делать?.. — спросил Женя.

Мальчишки ещё раз посмотрели на собаку, не сводящую с них умоляющих, почти человеческих глаз.

— Жалко её... — в голосе Никиты слышалось искреннее сочувствие.

— Жалко у пчёлки! — сурово огрызнулся Дима. — Покормить её надо.

— Точно, точно, — согласился Женя. — Смотрите, какая худая... Пацаны, а если она уже тут неделю?.. Капец!..

— Жендос, ты дурак?.. За неделю она давно бы уже сдохла!

— Не сдохла бы, Димас, не сдохла! У нас на даче собака несколько дней жила без жрачки. И чё, сдохла, что ли?!

— Несколько дней, но не неделю!

— Ну, не неделю!

— Вот и не гони!

— Димас, ты чё прикопался?

— А ты не гони!

Собака снизу молча наблюдала за перебранкой мальчишек.

— Её нужно вытащить! — эта мысль пришла в голову Никите будто совершенно неожиданно. — Точно, пацаны. Её надо вытащить!

— Как? — спросил себя и товарищей Женя.

— Я не полезу, — сразу заявил Дима. — Хотите — лезьте, я — нет!

— Я тоже, — поддакнул Женя. — На фига мне это надо? Никич, сам лезь, раз такой умный.

— Я бы залез, но как?.. Тут лестница нужна.

— Может, тебе ещё кран подогнать?.. Тебе кто из-за собаки чё будет делать?.. Ты думалкой думай своей!

— Спасать её надо, — тихо, но уверенно повторил Никита.

— Как?..

Мальчишки задумались.

Собака нетерпеливо ждала внизу, нервно перебирая лапами и поскуливая. Пару раз призывно гавкнула. Мол, ребята, думайте скорее, я уже не могу здесь.

— Слушайте, пацаны!.. — первым схватился за идею Женя. — А если сломать ветку с дерева, опустить её туда, собака зубами схватится, и мы её вытянем?.. А?!..

— А она схватится?..

— Прикольнo, надо попробовать!..

— А если не схватится?..

— Никич, не паникуй, надо попробовать!

Так как других идей не возникло, мальчишки поискали в округе возле стройки, нашли сломанную высохшую ветвь от дерева, метра два длинной, отодрали со всех сторон ветки и вернулись к открытому люку.

— Давай я сам! — не предложил, а распорядился Дима, взяв ветвь из Жениных рук. — Ты собаку не удержишь, она тяжёлая.

— Ты удержишь, — чуть обиженно ответил Женя, неохотно отдавая ветку.

— Я удержу, — заявил уверенный в себе Дима.

Тонким концом он опустил вниз ободранную длинную ветвь, но до дна колодца она не достала. Тогда Дима лёг на землю и продлил длину ветви, опустив руку в колодец. Её тонкий упругий конец уткнулся в землю.

— Есть, есть... — обрадованно заговорили все трое.

Женя с Никитой тоже улеглись на землю и внимательно наблюдали за действиями собаки, опустив головы в люк.

Собака, видимо, не понимала, что от неё требовалось, поэтому никак не отреагировала на появление возле неё постороннего предмета.

— Хватайся!.. Хватайся за неё!.. Вот дурында!.. — кричали сверху мальчишки.

Собаку напугала требовательная интонация людей, она занервничала, засуетилась. Мальчишки активно подсказывали бестолковой рыжей псине, что ей нужно делать: скалили зубы, делали вид, что вцепляются ими в ветку, но собака не понимала. Мальчишки ругались, бранили её, но всё напрасно — человеческой сообразительностью животное, увы, не обладало.

— Ну и сдыхай тут, раз ты такая дура!

Потеряв терпение, Дима первым поднялся с земли, вытянул ветку из колодца, отбросил её в сторону и отряхнулся. Посмотрел на разочарованных товарищей, объяснил им:

— Я что сделаю, если она сама не хочет?

— Она просто не понимает, — заступился Никита за пленницу. — Она же собака, она не понимает.

— Ага, собаки знаешь какие бывают?! А это дура, а не собака. Значит, так жить хочет, раз сообразить не может. Жить бы захотела, сообразила.

— Пацаны, — прервал спор товарищей Женя. — Пойдёмте во двор. Надоело уже тут!

— Погнали, — тут же согласился Дима. — Я уже додолбался всяких дебильных собак выручать!

— Никитос, ты идёшь? — обратился Женя к товарищу.

Никита в нерешительности стоял на месте. Ему хотелось помочь собаке, попавшей в беду, и не хотелось оставаться одному. И, самое главное, мальчишка не знал, что делать дальше, если он решит остаться.

— Пойдём, Никич! — настаивал Женя.

— Не уговаривай! — дёрнул товарища за рукав Дима. — Не хочет — не надо. Пусть возится с этой душой. Хозяин — барин!

Понимая, что друзья сейчас уйдут и оставят его одного, Никита суетливо предложил:

— Это... пацаны... давайте сходим домой и пригатаем ей чего-нибудь пожрать. Хоть костей, хоть хлеба...

— Я не пойду, — сразу отказался Дима. — Делать мне нечего. Домой зайду, родичи дома и оставят. Мне это надо?..

— Я не знаю... — засомневался вслед за товарищем Женя. — Мне неохота. Идти далеко.

— Ну и идите! — вспыхнул, обидевшись, Никита. — Я и без вас справлюсь.

— В дыру полезешь?.. Прикольно. Лезь.

— Никитос, не парься. Идём с нами во двор.

Никита обиженно махнул на друзей рукой, и друзья ушли.

Оставшись в одиночестве, мальчишка сначала растерялся, не зная, как вести себя в такой ситуации и что вообще делать. Ему даже захотелось плюнуть на всё и догнать товарищей, но что-то заставило его пересилить себя, и он остался.

Опять подошёл к открытому колодцу и заглянул в него. Собака по-прежнему ожидала помощи, глядя вверх. Увидев заглянувшего человека, она подала голос. Её лай, как человеческий крик о помощи, окончательно убедил Никиту в том, что попавшему в беду необходимо помочь. Он осмотрелся по сторонам.

Метрах в пятидесяти от подростка, по тропинке у девятиэтажного дома, проходил какой-то мужчина.

— Дяденька! — отчаянно крикнул Никита и бросился к нему.

Мужчина в недоумении остановился. Взволнованный мальчишка стремительно подбежал к прохожему.

— Дяденька... там собака... провалилась в люк... — начал он своё объяснение. — Помогите, дяденька!..

— Чем помочь? — не понял мужчина.

— Вытащить... собаку... из люка... там... — он указал рукой на заросший польной пустырь.

Прохожий, пока не вникнув в детали, понял главное.

— Ну, пойдём, показывай.

Никита привёл прохожего к открытому колодцу. Мужчина, заглянув вниз, увидел собаку.

— Ясно. Твоя, что ли?

— Нет, не моя.

— А тогда чего колотишься, малец?

— Жалко её.

— Жалко?.. Понял. И что предлагаешь?

Никита беспомощно дёрнул плечами:

— Вытащить её.

— Вытащить?.. Как?

— Не знаю.

— Да вот и я не знаю. Глубина колодца... — он заглянул ещё раз в дыру. — Метров... около трёх. Глубоко. Я не полезу. А то сам не вылезу обратно. И будем там скулить вместе с ней на пару... Даже не знаю, чем помочь тебе, парень.

Мальчишка расстроился, и прохожий заметил это.

— Ладно, не кисни, что-нибудь придумаем, — он посвистел в люк, и собака залаяла в ответ. — Вот что: тут нужна лестница.

— Лестница?.. — с надеждой переспросил Никита.

— Да, лестница... или... — он задумался. — Слушай, вообще-то сейчас этим занимаются специально обученные люди. Эмчезовцы, — он спохватился, как человек, которому вдруг пришла в голову идея. — Да, это выход!.. Давай сделаем так: я вызову сейчас службу, которая спасает

животных, они приедут и выгатают твоего пса. Вот всё, чем я могу тебе помочь. Договорились?..

— Договорились!.. — радостно оживился Никита.

Мужчина вынул телефон из кармана. Когда связался со спасательной службой, спросил у Никиты название улицы и номер девятиэтажного дома напротив. Дал ориентировку стройки, пустыря и вообще спокойно и делово разрулил всю эту непреодолимую, как казалось Никите, ситуацию.

— Ну вот, малец... — прохожий опять опустил телефон в карман. — Сейчас прикатят хорошие дяденьки из спасательной службы. Видел по телевизору, как они всяких кошечек и хомячков из водосточных труб вытаскивают?

Никита согласно кивнул головой, хотя ничего такого по телевизору ему не доводилось видеть.

— Вот они твою собаку в два счёта и вытянут оттуда. Ладно... мне надо идти, а ты жди их здесь и не уходи никуда. Обещали быть в течении получаса. Пока...

— Хорошо, дяденька, я никуда не уйду, — крикнул вслед удаляющемуся прохожему Никита. — Спасибо!..

Он честно остался ждать спасателей.

В самом деле, менее чем через полчаса появился большой джип, который, медленно проехав вдоль девятиэтажки, взял решительное направление на стоявшего среди пустыря мальчишку. Остановившись от него в десятке шагов, джип распахнул обе передние дверцы. Из машины вышли двое в синих комбинезонах.

— Кто спасателей вызывал? — спросил Никиту один из них.

— Я! — храбро ответил мальчишка.

— Ну, по телефону не ты разговаривал, — заметил второй.

— Нет, не я. Один дяденька. Я попросил его помочь.

— Ясно. Показывай беду.

Мальчишка подвёл их к дыре люка.

— Вот.

Один из спасателей заглянул вниз.

— Твоя собака? — спросил он. — Чего так плохо следил за ней?

— Да нет, — начал оправдываться Никита. — Это не моя собака. Она просто упала сюда.

— Как это не твоя?.. — обратился к парнишке второй спасатель. — Звонивший сказал, что это твой пёс.

— Нет, не мой. Я не знаю, чей он. Просто я хотел ему помочь...

Спасатели переглянулись.

— Значит, не твоя?

— Нет, не моя.

— Хорошо.

Оба рослых молодых мужика присели возле канализационного люка и начали рассматривать

внизу визжавшего от нетерпения пса. Понимая, что теперь её так не оставят, собака, предчувствуя спасение, оживилась и начала метаться в узком пространстве канализационного колодца.

— «Дворянин», — ответил один из спасателей нетерпеливому визгу животного.

— Доходной. Видать, не первый день.

— Похоже, что так.

— Давай так договоримся. Когда на рыбалку едем?.. через десять дней?.. Да, через десять. Вот, заглянем сюда, опарышей наберём. Тогда клёв точно будет хороший... А?..

— Добро, — согласился второй. — Запомни место.

— Запомнил.

Спасатели решительно поднялись.

— Значит, так, парень, — обратился к притихшему Никите один из них. — Слушай меня внимательно. Эта собака бродячая, дворняга, ничья. Живая ли она или сдохла — никто про неё и не вспомнит. Мы оказываем помощь тем животным, у которых есть хозяева. Мы думали, что это твой пёс. Мужик, который звонил нам, обманул. За ложный вызов полагается штраф. Не с тебя, конечно, а с твоей матери. Впредь по таким вопросам нас беспокоить не надо. Мы помогаем только тем, кто реально нуждается в помощи. А эта собака никому не нужна. И тебе тоже. Забудь про неё и спокойно иди домой. Уяснил?

Никита настолько растерялся, что не мог говорить ни слова.

Спасатели уселись в свою машину, дуэтом хлопнули дверцами и уехали.

Только после этого, окончательно оставшийся наедине с бедой, Никита заревел. Заревел откровенно, громко, никого не стесняясь. Полными от слёз глазами оглядел пустырь. Но пустырь — он и есть пустырь, потому что здесь пусто и никого нет. Никого! Только мальчишка, открытый люк глубокой ямы и несчастная собака, погибающая внизу. Никита потерялся совершенно. Ему опять захотелось уйти домой, просто плюнуть на всё, развернуться и уйти, спрятаться от своей беспомощности, от своих слёз, постараться забыть поскорее эту дурацкую собаку, эти её глаза... но вот что-то не позволяло ему этого сделать. Не позволяло, и всё! И тогда, рыдая, вытирая бегущие слёзы грязными ладонями и размазывая грязь по лицу, спотыкаясь о неровности пустыря, Никита направился к асфальтированной дороге, по которой в обе стороны мелькали машины. Сразу за дорогой, огороженное бетонными плитами, располагалось гаражное общество. Сам не зная зачем, мальчишка перешёл дорогу, долго обходил бесконечно тянущийся бетонный забор и, наконец, вышел к открытым воротам гаражного общества. Вошёл в эти открытые ворота.

Поблизости, в одном из гаражей, что-то старательно протирал грязной тряпкой старенький

дедушка. Никита шагнул к нему. Дед заметил оставившегося неподалёку плачущего подростка.

— А чего случилось, парень? Обидел кто?

Всё ещё не в состоянии успокоиться, Никита рассказал деду о собаке, рассказал сбивчиво и не совсем внятно.

— Это моя собака, — повторял он, всхлипывая. — Моя собака. Она упала туда. Она просто туда упала. Это моя собака... Помогите...

Мальчишка не особенно рассчитывал на помощь этого старого деда, но дед, видимо, принял к сердцу рассказ юнца.

— Люк, говоришь, открытый?

— Да.

— Яма-то глубокая?

— Да.

— Это далеко?

— Нет. Близко, — Никита указал рукой в сторону пустыря на той стороне дороги.

— Ладно, не реви, парень, сейчас поможем твоей собаке.

Дед отложил в сторону металлическую деталь, которую протирал, бросил тряпку, взял стоявшую в углу алюминиевую лестницу, укрепил её на верхнем багажнике своей выдавшей виды «Нивы». Усадил Никиту в машину, завёл её, вывел из гаража, прикрыл и замкнул железные двери. Машина тронулась.

— Давай показывай дорогу.

— У вас лестница короткая, — осторожно и даже немного испуганно заметил Никита.

— Короткая, говоришь?.. Ишь ты какой... — старик подмигнул мальчишке. — Не переживай, мы её удлиним... Она раскладывается, я её усовершенствовал.

Наконец тёмно-синяя старушка-«Нива» подъехала к злополучной яме. Дед неторопливо вышел из машины, заглянул в колодец. Покачал головой, отвязал лестницу. Вдвоём с Никитой они сняли её с багажника, дед выдвинул второе звено, и эту алюминиевую конструкцию старый и малый осторожно опустили вниз. Когда она достигла дна, две верхние ступени лестницы ещё оставались на поверхности.

— Ну, парень, — обратился к Никите дед, — раз это твоя собака, тебе и лезть за ней.

— Конечно! — обрадованно согласился мальчишка, утирая последние слёзы. — Я сам!

Он быстро спустился в тёмное прохладное нутро колодца. Собака прыгала от радости, лизала

человеку руки, визжала и вообще делала всё, чтобы затруднить Никите своё спасение. Мальчишка попытался вытолкать её наверх, но собачьи лапы не попадали на перекладины лестницы, а если и попадали, то сразу же соскальзывали с них. Тогда Никита обхватил руками обезумевшую от радости собаку, прижал её к себе и уже вместе с ней начал подниматься наверх. Собака оказалась тяжёлой, сильной, беспокойно сучила лапами, визжала и, наверное, по-своему, по-собачьи, плакала от счастья.

Наверху дед ухватил дурного пса за шкуру и помог вытянуть его на поверхность. Собака, оказавшись на свободе, залаяла, завертелась волчком, но никуда не убежала. Она радостно прыгала возле старика и мальчишки, которые вытягивали и складывали лестницу, лизала людям руки и мешала им.

— Покорми свою собаку, — сказал дед, опять закрепив лестницу на крыше автомобиля. — Худющая она у тебя. Одни рёбра.

— Обязательно покормлю, — пообещал Никита.

Когда старик открыл дверцу, чтобы сесть за руль, мальчишка окликнул его:

— Дедушка!..

Дед вопросительно оглянулся.

— Дедушка, я вас обманул... — упавшим голосом проговорил Никита.

— Обманул? — не понял старик. — В чём?

— Это не моя собака.

И, видя, что старик не понимает, мальчишка пояснил:

— Это не моя собака. Она ничья. Просто собака, и всё. Не моя.

Дед ещё некоторое время соображал, затем, прочитав в виноватых глазах ребёнка то, что ребёнок хотел сказать, ответил:

— А какая разница?.. — подумал и добавил: — Никакой разницы нет, парень.

— Спасибо, дедушка.

— А эту дыру я прямо сейчас и закрою. Сколочу деревянную крышку и закрою.

Старик уселся за руль, прощаясь, махнул Никите рукой и направил свою машину в сторону гаражей.

Никита свистом поманил собаку за собой. Но ему не нужно было этого делать. Собака и без того не отставала от шагающего домой мальчишки, прыгала и вертелась вокруг него. И оба они — и человек, и собака — были счастливы. Каждый по своей причине, но счастливы были оба!